
РАЗДЕЛ 1.

ЛЕРМОНТОВ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Н. М. Инюшкин¹,
Л. Н. Мешкова²

НРАВСТВЕННО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В статье рассматривается творчество М. Ю. Лермонтова, его нравственно-мировоззренческая парадигма как отражение межкультурного диалога, «участниками» которого являются этнонациональные традиции русской культуры, европейская культура и культура Востока.

Ключевые слова: межкультурный диалог, этнокультурное влияние, мировоззрение, М. Ю. Лермонтов.

Двухсотлетие со дня рождения М. Ю. Лермонтова является не только славной исторической датой, но и поводом поразмыслить, насколько значительны для россиян XXI века творческое наследие и личность великого поэта, прозаика, драматурга.

Никак не претендуя на всеохватность этой темы, сделаем попытку обратить внимание на одну весьма актуальную для нашего времени грань. Обозначим ее как процесс межкуль-

¹ **ИНЮШКИН** Николай Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия. Электронная почта: kmiok@rambler.ru.

² **МЕШКОВА** Людмила Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия. Электронная почта: lnmeshkova@rambler.ru.

турного диалога, отраженный и в повседневной жизни поэта, и в его духовных и эстетических исканиях, и в формировании своеобразной нравственно-мировоззренческой парадигмы, и, конечно, в произведениях.

Думается, что хотя бы конспективное выделение и рассмотрение факторов, способствовавших творческому восприятию и освоению Лермонтовым этнонационального богатства культурной среды его эпохи, имеет не только познавательный, но и важный воспитательный смысл для современного российского общества. Объективно и субъективно первым таким фактором являются природные характеристики, особенности бытийной среды, окружавшей Лермонтова, да и всякого человека с раннего детства. Это эффект, онтогенетически, личностно испытываемый сознательно или бессознательно каждым. Назовем его культурным импринтингом, имея в виду особую очень раннюю, но глубоко воздействующую, остающуюся весьма надолго, реакцию запечатления: «И долго-долго ум хранит первоначальны впечатления». Запечатленное во многом остается масштабом, мерилom, архетипическим зовом к родному, исконному, своему.

Пожалуй, самое яркое подтверждение этому – лермонтовское стихотворение «1-е января». Поэт уже видел московский «Кремль в час утра золотой», уже полюбил «цепи синих гор Кавказа», уже жил в столичном Петербурге, «пестрою толпою окружен», уже очами Демона взирал на «хоры стройные светил». Но «в минуту жизни трудную», «вольной птицей», все же летит он памятью своей к первозапечатленному тарханскому пространству:

*И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами [2, с. 466–467].*

И как развитие впечатлений и оценок среды, с детства поэта окружавшей, пензенскими краями навеянное и сознатель-

но подчеркнутое Лермонтовым, не всем свойственное умение увидеть и эстетически воспринять объекты неяркого внешнего пространства.

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно... [2, с. 509].*

Но в мир первоначальных впечатлений, по жизни переосмыслявшихся поэтом, тоже в детские годы вошло не только типичное для русских природное, бытийное пространство. Пожалуй, почти импринтинговый характер имеют кавказские впечатления, являющиеся одними из первых побудителей поликультурного восприятия мира во всем его богатстве. Именно такой объединительный смысл заключен в строке раннего стихотворения Лермонтова «Кавказ»:

*Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ [2, с. 75].*

И, если вдуматься, то по сути развитием поэтического воплощения позитивного восприятия богатства природного мира Отчизны как многообразного единства является и стихотворение «Мой дом» (1820–1831).

*Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен.
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен [2, с. 300].*

Две первые строки приведенного четверостишия дают возможность перейти от существующего помимо воли человеческой единого небесного свода к роли именно человеком создаваемого – звукам песен, слову, тому, «в чем есть искра жизни».

Именно эти культурой и культурами творимые феномены, артефакты среды, формировавшие духовный мир Лермонтова с детства, являют собой важный фактор поликультурного эт-

нонационального диалога в повседневности бытия, сознании и творчестве.

Мысли и чувства, облеченные в слова, для Мишеля, чьи первые годы прошли в российской глубинке, образ жизни дворянской семьи давал возможность восприятия именно многообразия форм такого облечения. Конечно, это было связано с попытками сознательного, рафинированного, исключаящего низкое, неевропеизированное влияние этнически характерной среды на детей-дворян.

Бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, очень старавшаяся сделать для милого внука все как можно лучше, не в полной мере, а в кое-чем пыталась идти подобным путем. Однако, зная она о записи, сделанной пятнадцатилетним Мишелем в своем дневнике, вряд ли бы стала приглашать ему мамушкой иноземку: «Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слышал сказок народных; – в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности» [4, с. 528].

Понимая неправомочность причисления произведений поэта к сфере провинциальной культуры, подчеркнем, что питающими творческую фантазию источниками были в значительной степени впечатления, рожденные естественными, незамечаемыми воздействиями этнобытия, его ценностями и обычаями. Виденное не раз в Тарханах крестьянское отношение к хлебу, при котором, скажем, наступить ногой на малый его кусочек считалось кощунством, когда крошки со стола сметали в ладонь и отправляли в рот, казалось бы, для дворянского небедного подростка не очень понятно и близко. Однако юный поэт, не чуждый модных романтических образов и оборотов, в стихотворении «Пир», где есть упоминание о музах, грациях, Фебе, заканчивает приглашение любезному другу неожиданной строкой: «А снедь – кусок прекрасный хлеба».

В художественные картины поэм и стихотворений, имеющих мировую культурную ценность, будто этюды, запечатленные в памяти с тарханской поры, проходят образы, которые имеют конкретное этническое происхождение.

Семик – древний языческий праздник, совпадающий с христианской Троицей, церковью не признававшийся, но сохранившийся веками в народном быту тарханцев, – сопровождался красивыми обрядами. П. А. Фролов в своей книге

«Лермонтовские Тарханы» очень подробно, опираясь на исторические факты и личные многолетние наблюдения, описывает его детали и устойчивое бытование. Мы же видим лишь то, как в лермонтовских стихотворных строках преломляется когда-то увиденное на земле детства.

В «Кавказском пленнике», раннем романтическом произведении 1828 года, читаем:

*И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали [3, с. 19].*

Так это же отзвук обязательного на Семик гадания, когда каждая девица, подойдя поближе к воде, снимала с головы венок, шептала над ним заветное желание и опускала его в пруд. От того, как поведет себя венок, зависит судьба девушки. Хорошо, если долго на воде продержится да от берега не отойдет далеко, тогда долга будет и счастливая жизнь с любимым. А если далеко унесет – отдадут за постылого и счастья не видать.

Первый приведенный пример взят из раннего произведения, но вот строки одного из последних лермонтовских творений – стихотворения «Сон»:

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне [2, с. 530].*

Это снова далекое эхо летних Тархан на Троицу, когда на венках уже не гадали, но праздничная толпа девушек и парней, к которым присоединялись и молодые женщины, «увенчанные цветами», водили хороводы и не спеша проходили по улицам села.

«Достаточно в старинном селе Лермонтово послушать старинные песни, особенно когда они излагаются “сказкой”, а не поются “на голос”, – отмечал С. А. Андреев-Кривич, автор книги «Тарханская пора», – чтобы понять, откуда лермонтовский “калашниковский” язык и стих: прямо от народа, от хранимого из веков народного стиха, от сохраненного песнью старинного

языка» [1, с. 203–204]. Этническое, фольклорное наследие, питавшее творчество великого поэта, обретает новое качество своего бытования на тарханской земле в начале ХХI века.

Однако еще раз отметим, что несомненность влияния русского слова во всех формах его бытия никак не вступала в противоречие с сознанием и интересом растущего Мишеля к языкам европейских национальных культур.

Хрестоматийно известно, что уже тарханские воспитатели будущего поэта – немка Х. О. Ремер и француз Ж. Капе – научили его свободному владению своими родными языками, открыв путь к знакомству с культурным богатством этих народов.

Процесс приобщения подростка Мишеля к европейской культуре активизировался после переезда вместе с Е. А. Арсеньевой Москву в конце лета 1827 года. Не вдаваясь в детали домашнего обучения в первопрестольной, учебы в университетском благородном пансионе и самом университете, отметим главное для наших суждений о роли культурного диалога в жизни и творчестве Лермонтова.

Подойдем к обозначению нового по качеству этапа освоения, творческого переосмысления и перевоплощения многогранного европейского культуротворчества, оттолкнувшись от нескольких слов воспоминаний друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея: «Мишель начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтер Скотта» [5, с. 37].

Это был 1829 год, когда гения английского романтизма читал, воспринимал, переживал будущий гений русской литературы, уже начавший писать стихи собственные. Первые дошедшие до нас лермонтовские поэтические строки 1828 года свидетельствуют о творческом интересе и знании того, что становилось важными интеллектуально-эстетическими компонентами сознания Мишеля. Это «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Когда Рафаэль вдохновенный».

Первым иностранным автором, к которому Лермонтов обратился именно в то время в поисках родственных мыслей и сюжетов, был немецкий поэт и драматург Ф. Шиллер. И заметим, что уже тогда начала реализовываться принципиально характерная для диалогического культурного процесса черта лермонтовской творческой личности.

Это феномен поэтического переосмысления произведений европейских авторов, когда, с одной стороны, сохраняется, подчас усиливается дух оригинала в переводах и переделках русского поэта, а с другой – их образы становятся поводом для его собственного творчества.

Ф. Шиллер является, пожалуй, именно той многогранной личностью, чьи теоретические взгляды на искусство, мотивы произведений питали не только разножанровые поэтические создания Лермонтова (лирика, баллада, эпиграмма), но и ранние драматургические работы. И все это не случайно: Шиллер для юного русского поэта – выразитель идей свободы, тираноборец, борец за права и достоинства личности.

Не случайно и то, что сообщено в приведенных словах А. П. Шан-Гирея: английскому языку юный поэт начал учиться по Байрону. В развитии творческой личности Лермонтова великий романтик сравним только с влиянием Пушкина, который и сам был не чужд байронизму. При всем многообразии переводов и подражаний, заимствовании сюжетных и стилистических мотивов, личностную значимость для диалога русского поэта с английским гением имело наличие в духе его произведений ненависти к политическому и национальному гнету, противопоставление природы и естественных чувств обществу, разочарованности в людях и сосредоточенности в себе.

Однако, понимая искренность желания равняться на бескомпромиссного романтика («...И Байрона достигнуть я б хотел»), выделим фактор, весьма важный для понимания специфики лермонтовского диалога с европейскими культурами. Несомненная творческая важность этого процесса для формирования и развития великого россиянина не исключает сохранение духовной и поэтической самостоятельности.

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой [2, с. 361].*

Не вдаваясь в текстологическое рассмотрение развития этого принципиально важного поэтически выраженного тезиса, отметим, что многочисленные словесные, тематические,

духовно-романтические заимствования Лермонтова могут быть осмыслены лишь в контексте всей эволюции его творчества, меняющейся роли европейского романтизма в развитии русской культуры. Поэтому, никоим образом не отрицая продуктивности диалогических связей, в частности, с великим Байроном, можно утверждать, что зрелая лермонтовская лирика и проза освобождаются от байронических штампов во имя народности, психологической и социальной конкретности русского бытия.

В этот важнейший период своей короткой жизни Лермонтов, с детства свободно владевший французским языком, знавший французскую литературу и перекликавшийся с ее идеями и мотивами в творчестве, осознанно отстаивает стремление к независимости русской культуры. «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое, – говорил он А. А. Краевскому. – Зачем нам все тянуться за Европою и за французским» [5, с. 245].

В Европе Михаил Юрьевич никогда не был, ни с кем из интересных ему деятелей западной культуры знаком не был, и диалог, воплощенный в слове, так сказать, слышен только читателям великого русского поэта, прозаика, драматурга.

А вот Восток, чье материальное и духовное многообразие отражено в бытии Кавказа, был частью и лермонтовского бытия. Нами уже отмечалось, что этот любимый поэтом с детства край является одним из его первоначальных впечатлений.

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе» [2, с. 353].

Эмоциональность в этом произведении 1832 года доминирует. Если же продолжить приводившийся выше фрагмент воспоминания А. А. Краевского о беседе с Лермонтовым, то там есть слова, во многом знаменательные для понимания межкультурного диалога именно как процесса развивающегося и обогащающегося разносторонними аспектами.

«Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, <...> там на Востоке тайник богатых откровений» [5, с. 245].

Конечно, проникновение в этот тайник не было процессом специфически исследовательским. Познание азиатского мирозерцания, обогащение ориенталистской эрудиции поэта проходили в контексте практического, так сказать, «по жизни» познания и переживания многообразных проявлений культуры этого края, воплощенных в повседневности, в народном искусстве.

Баллады и «южные поэмы» свидетельствуют не только о знании современного Лермонтову быта Грузии, Дагестана, Чечни, Кабарды, но и знакомстве с песенной стороной «сурового края свободы».

Близкое знакомство с богатым фольклором кавказских народов, непосредственно изученным в скитаниях по огромному региону, подтверждают легенды Дарьяльского ущелья и черкесские песни его героев.

Еще буквально два примера-свидетельства. Старый чеченец, который водил Лермонтова по горным уступам кавказского хребта, рассказал ему повесть об Измаил-Бее, история подневольной иноческой жизни, послужившая темой «Мцыри», сообщена было горцем-монахом.

В поэтические зарисовки бытового жанра, присутствующие во многих стихотворениях на кавказскую тему, в прозу нередко вплетаются и разнородные психологически ментальные характеристики горных племен: их гордость, неустранимость, верность долгу, любовь к свободе, художественная одаренность, воплощаемая на фоне чудесной природы. Однако, к примеру, в «Бэле» обозначены черты, не вызывающие положительной оценки.

Но тема Кавказа, Востока вообще, присутствующая практически на всех этапах жизни Лермонтова, важна для наших наблюдений за этнокультурным диалогом не только как факт мастерского воплощения сущности национальных культур.

По сути «схема» восприятия, осмысления, переосмысления культур Востока – не забудем, что для Лермонтова они означали и классическую древность не только Кавказа, – во многом схожа с процессом познания европейского культурного пространства.

Констатируя это, мы имеем возможность перейти к методологически важному, отражающему мировоззренческую динамику лермонтовского понимания многообразия культур моменту. Через отмеченную «схему» идет осмысление гением

России русской ментальности, рождаемой положением равноудаленности от Запада и Востока. Размышляя об этом, Лермонтов диалектичен.

Тема одиночества, ярко выраженная в «Выхожу один я на дорогу», – это, думается, не только передача личностных ощущений, это и понимание того, что, будучи альтернативой разобщенному миру Запада и Востока, срединное положение России предопределяет ее одиночество. Однако в произведениях зрелого Лермонтова, не ставшего ни на западнические, ни на ориенталистские позиции, порой жестко оценивавшего Отечество, любимое «странной любовью», несомненно присутствует мысль о важности не противопоставлять, разделять, а соединять, сопоставлять полярности, об исторической важности евразийского диалога.

Мудрый «Герой нашего времени» показывает не только противоречия, но и перспективность совмещения культурных моделей. Коренная черта самобытной открытости русской культуры в способности перенимать, совмещать на благо собственной оригинальности.

Жизнь и творческое наследие Лермонтова, чей «гений веки пролетит», являют собой урок важности понимания в современном бытии российского общества и отечественной культуры этнокультурного диалога, его продуктивного развития.

Использованная литература:

1. Андреев-Кривич С. А. Тарханская пора. [Жизнь и деятельность М. Ю. Лермонтова в Тарханах]. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1976.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1962. Т. 1.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1962. Т. 4.
4. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1962. Т. 2.
5. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1964.

MORAL AND WORLDVIEW PARADIGMS OF M. LERMONTOV'S LIFE AND WORKS AS REFLECTION OF ETHNO-CULTURAL DIALOGUE

INYUSHKIN, Nikolai – DPhil. (Theory and History of Culture), Prof., Department of Fine Arts and Cultural Studies, Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: kmiok@rambler.ru

MESHKOVA, Ludmila – PhD. (Logic), Assos. Prof., Department of Fine Arts and Cultural Studies, Penza State University, Penza, Russia.

E-mail: lnmeshkova@rambler.ru

The paper reviews M. Lermontov's works, his moral and philosophical paradigm as a reflection of cross-cultural dialogue, whose "participants" are the ethno-national traditions of the Russian culture, the European culture and the culture of the East.

Keywords: cross-cultural dialogue, ethno-cultural influence, world outlook, M. Yu. Lermontov.

References:

1. Andreyev-Krivich, S. A. *Tarkhanskaya pora (Zhizn i deyatelnost M. Yu. Lermontova v Tarkhanakh)* (Tarkhany Season (Life and Work of Mikhail Lermontov in Tarkhany). Saratov, 1976.
2. Lermontov, M. Yu. *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh.* (Works in Four Volumes), 4 vols., Vol. 1. Moscow; Leningrad: Akad. Nauk SSSR, 1961–1962.
3. Lermontov, M. Yu. *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh.* (Works in Four Volumes), 4 vols., Vol. 2. Moscow; Leningrad: Akad. Nauk SSSR, 1961–1962.
4. Lermontov, M. Yu. *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh.* (Works in Four Volumes), 4 vols., Vol. 4. Moscow; Leningrad: Akad. Nauk SSSR, 1961–1962.
5. *M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov* (Mikhail Lermontov in the Memoirs of Contemporaries). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964.